

Интервью Анатолия Сергеевича Черняева, бывшего помощника М.С.Горбачева по международным делам

Анатолий Сергеевич, в свое время Советский Союз оказывал материальную и военную поддержку «национально-освободительным движениям» стран «третьего мира», однако все же воздерживался от посылки туда войск. Почему в случае с Афганистаном это «табу» было нарушено?

Это загадка, на которую и сегодня нет ответа. Никаких официальных объяснений, кроме того, что нам якобы надо было обеспечить безопасность подбрюшья Советского Союза, официально дано не было. Нам, Международному отделу ЦК, была спущена команда давать разъяснения «братским партиям», международной общественности. Мы выламывали мозги, чтобы дать какое-то более или менее правдоподобное объяснение. Потому что те, кто принял решение направить войска в Афганистан, никому ничего не объясняли. Даже секретарю ЦК и заведующему этим отделом Б.Н.Пономареву толком ничего не объяснили, зачем это надо было делать. Ему было сказано, что, мол, поскольку в твоём ведении находится мировое коммунистическое движение, а Кармаль сидит в Праге послом Афганистана, а он коммунист, давай его сюда, пошлем его в Кабул на место свергнутого и убитого нашим спецназом Амина. Мне об этом лично говорил Пономарев. Сам же он объяснить мне точно ничего не мог. Да он и сам оказался в чрезвычайно затруднительном положении: к нему приезжали представители компаний, его давние знакомые, а он путался, говорил нелепости. Однако официальное объяснение – обеспечение безопасности южных границ СССР – никого не убеждало. Ведь мы десятилетиями имели нормальные, даже дружественные отношения с афганским королем. Были одно время какие-то налеты басмачей с афганской территории, но никакой серьезной опасности для Советского Союза оттуда не появлялось, американцы туда не собирались, это тоже было прекрасно известно кому нужно в Москве. Надо сказать, что эта преступная акция нанесла стране огромный моральный и материальный ущерб, обернулась тысячами убитых и покалеченных. Весь мир осудил и проклял нас за вторжение в Афганистан: в ООН 104 делегации проголосовали против нас и только 17 - с нами. Нас осудили правительства и парламенты, всякие комитеты и деятели персонально, большинство политических партий. Даже некоторые «братские» партии – итальянская, испанская, английская, японцы, бельгийцы, шведы. За агрессию, за попрание международных норм, за оккупацию, за подрыв разрядки, за провоцирование гонки вооружений, за посягательство на мусульманский мир, на нефтяные

источники, от которых зависит жизнь всего Запада и Японии, и проч., и проч. Картер лишил нас 17 млн. тонн зерна (в Москве сразу же исчезла мука и макароны), запретил всякий прочий экспорт, закрыл всякие переговоры и визиты, потребовал отмены Олимпиады в Москве. Тэтчер проделала с нами то же самое. Банки закрыли нам кредиты. Португалия, США, Канада и Австралия запретили нам ловлю рыбы в своей 200-мильной зоне. Почти все страны Запада (за исключением Франции) сократили уровень и объем всяких обменов и визитов. Были запрещены планировавшиеся художественные выставки и гастроли. Австралия закрыла заход нашим антарктическим судам в ее порты. Осудила нас проходившая в Исламабаде Исламская конференция (т.е. все мусульманские государства, кроме Сирии, Ливии, Алжира и самого Афганистана). Осудил Европарламент, социал-демократические партии, профсоюзные центры. Новая Зеландия выслала нашего посла.

А что делалось в печати, на теле- и радио – трудно вообразить! Позорили нас самым беспардонным образом. По стране ползли слухи, что в Ташкенте госпитали забиты ранеными, что каждый день прибывают самолеты с упакованными гробами («груз 200»), что в разных ведомствах и на заводах то и дело появляются портреты в траурных рамках.

С апреля 1985 года в ЦК и в «Правду», в Верховный Совет, лично к Горбачеву пошел буквально поток писем об Афганистане. В основном – из русских областей и из Сибири. В отличие от прошлого очень мало анонимок. Почти все подписанные. Основной мотив: зачем это нам нужно и когда это кончится?! Писали матери и жены, переживая за ребят, которые там мучаются нравственно, а то и погибают. Писали о том, что «если уж это так нужно», то посылайте добровольцев, по крайней мере – кадровых, а не новобранцев. Пребывание там и то, что им там приходится делать, уродует им душу. Писали солдаты, искренне и попросту сообщая, что они не понимают, «зачем они здесь». Писали офицеры и даже один генерал, подписавшийся своим именем, что они не в состоянии объяснить своим подчиненным, что это такое «интернациональный долг», которого от нас никто там не хотел. В письмах плач, горе по убитым и искалеченным, душераздирающие описания похорон, обвинения: Политбюро, мол, допустило ошибку и надо ее исправлять, – чем скорее, тем лучше – каждый день уносит жизни людей.

У Вас все же есть какие-то версии, почему советское руководство решилось на этот шаг?

Я работал в Международном отделе ЦК, и не рядовым сотрудником, а заместителем заведующего отделом, но я не знал, кто затеял эту авантюру. Можно было лишь гадать. Сначала мы думали, что за этим стоит Громыко. Потом выяснилось, что это затеял Устинов, ему, очевидно, надо было где-то «прокатать» застоявшиеся войска. А вот почему Андропов на это пошел, мне совершенно не понятно: ведь в его руках была разведка, он прекрасно понимал, что это за страна. Я не знаю, сохранилась ли экспертная оценка ученых-специалистов, смысл ее состоял в том, что мы «вляпались», что эту страну ни завоевать, ни подчинить невозможно, весь исторический опыт свидетельствует об этом. Правда, это уже было после вторжения. Даже английские коммунисты при встрече с нами смеялись: «Вы бы хоть раз нас спросили, прежде чем туда влезать. Мы же, мол, в Афганистане воевали несколько раз». Так что мне не понятно, зачем пошел на это Андропов. Что же касается Громыко, то, будучи членом этой тройки (он, Устинов, Андропов), которая по существу правила страной при немощном Брежнев, то он просто действовал, как принято - так сказать «на троих». Здесь, вероятно, свою роль сыграл еще и личностный момент. Есть версия, что, уговаривая Брежнева дать согласие на эту авантюру, Устинов и Андропов сыграли на личных эмоциях Брежнева, который не мог простить Амину, что тот сверг и убил Тараки на другой день после подписания «братского» коммюнике в Москве.

Но ведь принятие таких решений основывается на аналитической информации. Кто такую информацию мог поставлять?

КГБ. Но уж не МИД, во всяком случае, потому что Корниенко, первый заместитель Громыко, был всегда против. Позже, во время обсуждений этого вопроса на заседаниях Политбюро, он всегда отрицал, что МИД готовил какие-то материалы. Это все делалось в страшной тайне!

Каким образом Вы узнали о вводе войск в Афганистан?

Как и все, из сообщений СМИ. Никто из Международного отдела, за исключением, очевидно, лишь Б.Пономарева, не знал о планирующемся вторжении в Афганистан. От нас сверху не запрашивали никакой информации о положении дел в этой стране.

Какова была Ваша реакция, когда Вы узнали о начале военных действий СССР в Афганистане?

Для меня это было полным потрясением. Иначе, как авантюра и глупость, я это расценить не мог. У меня было ощущение, что мы вступили в очень опасную для страны полосу маразма правящего верха, который не в состоянии даже оценить, что творит и зачем.

А реакция Ваших коллег?

За исключением трех-четырех отпетых шовинистов и антисемитов, реакция нашей консультантской группы, большинства зав. секторами, была отрицательной. Но все всё прекрасно понимали, и была дана команда – молчать. Где-то шушукались по коридорам... Мы с консультантами, 10-12 человек - абсолютно доверенные люди - обсуждали совершенно откровенно, проклиная и удивляясь. А что касается всего Отдела, то здесь полная была тишина. И Пономарев за этим очень следил. От этого зависело его положение в верхах.

Но были и люди, которые поддерживали это решение?

Да, конечно.

Скажите, а по Вашему внутреннему ощущению, каково было соотношение «за» и «против» вторжения в Афганистан в аппарате ЦК?

Я думаю, что за исключением Международного отдела, очень небольшой части Отдела по социалистическим странам, где, между прочим, в свое время работал Бовин, нескольких человек из отдела пропаганды (Биккенин, Шишлин и другие), может быть, некоторых работников Отдела культуры, основной аппарат, был, конечно, как всегда, «за»: все, что делает начальство, правильно и обсуждению не подлежит.

А когда в аппарате ЦК начало меняться отношение к этому вопросу? Когда возникло ощущение, что Афганистан – это тупик?

Довольно быстро, уже в начале восьмидесятых годов. В разговорах с Пономаревым – а у нас были доверительные отношения – когда он поднимал со мной этот вопрос или спрашивал меня о чем-то, то, как правило, выходил из-за стола в сторонку, подальше от телефонов. И говорил примерно следующее: мы не знаем, что дальше делать, у нас там ничего не выходит, но

как оттуда вылезти, никто не знает. Даже Пономарев, очень ортодоксальный, очень послушный, но умный человек, занимал такую позицию. Мы, в Международном отделе, постоянно находились под давлением информации с Запада. Мы видели, куда мы залезли. Все нас возненавидели: от самых левых, крайних, до самых доброжелательных наших зарубежных коллег. Прозрение произошло очень быстро, в первый-второй год уже все прекрасно понимали, что Афганистан - гибельная и тупиковая затея.

В своих воспоминаниях М.С.Горбачев пишет о важнейших вопросах, которые ему предстояло обсуждать с членами Политбюро в течение ближайшего времени с момента избрания его Генеральным секретарем в апреле 1985 г. Восьмым пунктом этой повестки дня значилось: «Афганистан. Нужен реалистический план». Скажите, были ли в руководстве какие-то разногласия по этому вопросу?

К этому времени разногласий ни у кого уже не было никаких. Никто не возражал против того, чтобы оттуда уходить. Весь вопрос состоял в том, как выйти, чтобы, как говорил Горбачев, «поменьше шишек получить». И постараться – мы первое время рассчитывали сохранить там режим – оставить страну если не дружественной, то, по крайней мере, лояльной по отношению к нам. В докладах Шеварднадзе, маршала Ахромеева, признавалось, что мы воюем там против народа и что мы надолго, на века, посеяли ненависть там к нам.

А как высшее военное руководство отнеслось к решению Политбюро о выводе войск? Были ли те, кто находился в оппозиции?

Военные с самого начала были против этой авантюры. Ахромеев, умнейший, интеллигентнейший человек с трагической судьбой, говорил мне: «Мы были с самого начала против, мы понимали, что из этого ничего не выйдет. Но Устинов нас поставил по «стойке смирно», – выполняйте!» Даже Варенников, будущий участник августовского путча 1991 г., возглавлявший группировку войск в Афганистане, на Политбюро доказывал, что надо уходить, что это единственный способ избавиться от этой проблемы.

В протоколах заседаний Политбюро за 1988 г. есть высказывание Горбачева, который говорил, цитирую, что «Я против капитулянтского подхода, против того, чтобы драпать» не оглядываясь. Т.е. Горбачев понимал всю ответственность этого шага.

Безусловно. Перед своим народом, прежде всего, и перед международной общественностью, и перед афганцами. Он несколько раз говорил о том, что мы не можем, как американцы из Вьетнама, драть задрав штаны. И это одна из причин, почему вывод войск затянулся на четыре года. То, что мы завязли в Афганистане, вовсю и успешно использовалось против СССР в холодной войне, которая еще шла. И это тоже надо учитывать.

А составлялись ли какие-то прогнозы относительно того, какая ситуация может сложиться в Афганистане после ухода советских войск?

И Горбачев, и другие понимали, что кончится все плохо, что Наджибуллу мы не спасем, что режим не удержится. Это уже осознавали в 1989 г., а в 1990 г. тем более. И понимали, что возвращаться туда ни в каком виде нельзя и вообще ничего нельзя было сделать, чтобы сохранить «революционный режим», отторгнутый народом..

В феврале 1988 г. Горбачев и Наджибулла встречались в Ташкенте для переговоров о выводе наших войск из Афганистана и дальнейшей судьбе этой страны. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этой встрече? Как вела себя афганская сторона?

Об этом Вы можете подробно прочитать в стенографических отчетах, вряд ли я могу здесь что-то добавить. Наджибулла производил впечатление спокойного, разумного, очень неглупого человека, который, видимо, прекрасно понимал, что он взвалил на себя очень тяжелое бремя. Не знаю, предчувствовал ли он, чем все для него это кончится. Он очень полагался на то, что его не бросят, и просил у нас помощи. Но никакой, кроме экономической и дипломатической помощи, мы уже не смогли оказать. Воевать там за афганскую армию, на что рассчитывали и Кармаль, и Наджибулла, было бы просто преступно по отношению к своей стране. Так что разговор был очень содержательный, ровный, и Горбачев держался по-дружески, без всякой фамильярности, патернализма и т.п.. Наджибулла увидел, что с ним разговаривают как с главой государства, как с равным собеседником. Горбачев потом на Политбюро сказал, что мы правильно поступили, что встречались в Ташкенте, на равных расстояниях от столиц, а не вызвали его в Москву, как Кармаля. Наджибулла, видимо, достойный, мужественный человек, по-восточному честный, но я лично никогда не верил, что у него что-нибудь получится.

И, наконец, последний вопрос: какие уроки необходимо извлечь из войны в Афганистане? От каких ошибок Вы бы хотели предостеречь?

Прежде всего, не принимать безответственных решений, за которые будут расплачиваться народ, страна, будущие поколения. Вторжение в Афганистан, эта преступная авантюра, нанесла нашей стране огромный моральный и материальный ущерб, обернулась тысячами убитых и покалеченных. Сегодня ту же ошибку, что и мы, повторили Соединенные Штаты. Даже Обама сейчас говорит, что «мы вляпались». Они сейчас рассуждают, не снять ли нам этого Карзая, он плохо работает, надо другого. Как в свое время мы сняли Кармалю и заменили Наджибуллой. Но у них есть хотя бы какая-то видимость гуманистическо-демократического оправдания – борьба с терроризмом, - а у нас никакого не было, кроме великодержавного.

Интервью провел Дмитрий Белановский